

Жюль
Верн

ПУТЕШЕСТВИЕ
К ЦЕНТРУ ЗЕМЛИ
♦
ВОКРУГ СВЕТА
В ВОСЕМЬДЕСЯТ ДНЕЙ

ИЛЛЮСТРАЦИИ
ВЕНЦЕСЛАВА ЧЕРНЫ
И ПЕТРА ЛУГАНСКОГО

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
В 35

Jules Verne
VOYAGE AU CENTRE DE LA TERRE
LE TOUR DU MONDE EN QUATRE-VINGTS JOURS

Перевод с французского
Николая Егорова, Николая Габинского

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

Иллюстрации
Венцеслава Черны («Путешествие к центру Земли»)
и Петра Луганского («Путешествие к центру Земли»
и «Вокруг света в восемьдесят дней»)

ISBN 978-5-389-31582-2

© Н. С. Габинский (наследники), перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ПУТЕШЕСТВИЕ К ЦЕНТРУ ЗЕМЛИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В воскресенье 24 мая 1863 года мой дядя, профессор Отто Лиденброк, быстрыми шагами подходил к своему домику, номер 19 по Королевской улице — одной из самых старинных улиц древнего квартала Гамбурга.

Наша служанка Марта, наверно, подумала, что она запоздала с обедом, так как суп на плите лишь начинал закипать.

«Ну, — сказал я про себя, — если дядя голоден, то он, как человек нетерпеливый, устроит настоящий скандал».

— Вон уже и господин Лиденброк! — смущенно воскликнула Марта, приоткрыв слегка дверь столовой.

— Да, Марта, но суп может немного повариться, ведь еще нет двух часов. В церкви Святого Михаила пробило только что половину второго.

— Так почему же господин Лиденброк уже возвращается?

— Он, вероятно, объяснит нам причину.

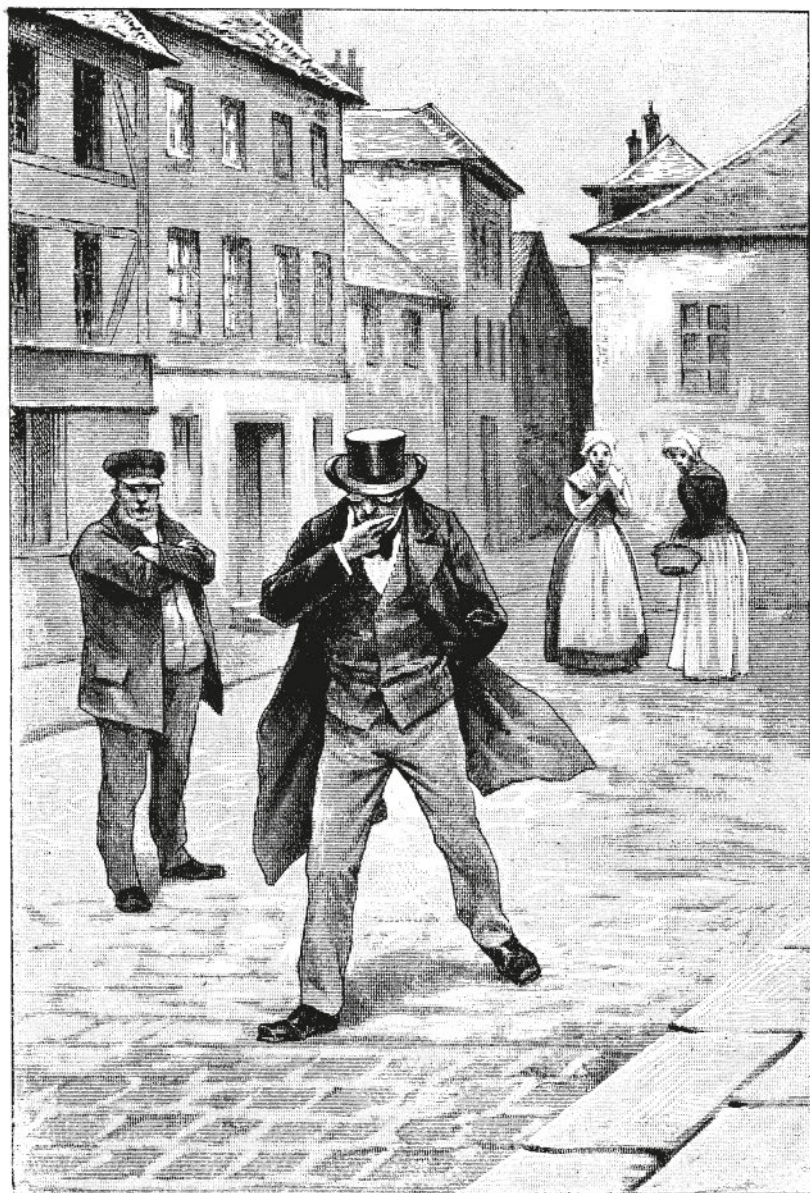
— Ну вот и он! Я бегу, господин Аксель, а вы его успокойте.

И Марта поспешила вернуться в свою кухонную лабораторию.

Я остался один. Успокаивать рассерженного профессора при моем несколько слабом характере было мне не по силам. Поэтому я собирался благоразумно удалиться наверх, в свою комнатку, как вдруг закричала входная дверь; ступени деревянной лестницы затрещали под длинными ногами, и хозяин дома, миновав столовую, быстро прошел в свой рабочий кабинет.

На ходу он бросил в угол трость с набалдашником в виде щелкунчика, на стол — широкополую, со взъерошенным ворсом шляпу и громко крикнул:

— Аксель, иди сюда!

Я не успел еще сделать шага, как профессор в явном нетерпении снова позвал меня:

— Ну где же ты?

Я бросился со всех ног в кабинет моего грозного дядюшки. Отто Лиденброк — человек не злой, я охотно свидетельствую это, но если его характер не изменится, что едва ли вероятно, то он так и умрет большим чудачком.

Отто Лиденброк был профессором в Иоганнеуме и читал лекции по минералогии, причем регулярно раз или два в течение часа выходил из терпения. Отнюдь не потому, что его беспокоило, аккуратно ли посещают студенты его лекции, внимательно ли слушают их и делают ли успехи: этими мелочами он мало интересовался. Лекции его, согласно выражению немецкой философии, носили «субъективный» характер: он читал для себя, а не для других. Это был эгоистичный ученый, настоящий кладезь знания, однако издававший при малейшей попытке что-нибудь из него почерпнуть отчаянное скрипение, — словом, скупец!

В Германии немало профессоров подобного рода.

Дядюшка, к сожалению, не отличался живостью речи, по крайней мере когда говорил публично, — а это прискорбный недостаток для оратора. И в самом деле, на своих лекциях в Иоганнеуме профессор часто внезапно останавливался; он боролся с упрямым словом, которое не хотело соскользнуть с его губ, с одним из тех слов, которые сопротивляются, разбухают и наконец срываются с уст в форме какого-нибудь — отнюдь не научного — бранного словечка! Отсюда и его крайняя раздражительность.

В минералогии существует много полугреческих, полулатинских названий, труднопроизносимых, грубых терминов, которые ранят уста поэта. Я вовсе не хочу хулить эту науку. Но, право, самому гибкому языку позволительно заплетаться, когда ему приходится произносить такие, например, названия, как ромбоэдрическая кристаллизация, ретинасфальтовая смола, гелениты, фангазиты, молибдаты свинца, тунгстаты марганца, титанаты циркония.

В городе знали эти извинительные слабости моего дядюшки и злоупотребляли ими: подстерегали опасные моменты, выводили его из себя и смеялись над ним, что даже в Германии отнюдь не считается признаком хорошего тона. И если на лекциях Лиденброка всегда было много слушателей, то это только потому, что большинство их приходило лишь позабавиться благородным гневом профессора.

Как бы то ни было, но мой дядюшка — я особенно подчеркиваю это — был истинным ученым. Хотя ему и приходилось, производя опыты, разбивать свои образцы, все же дарование геолога в нем сочеталось с зоркостью взгляда минералога. Вооруженный молоточком, стальной иглой, магнитной стрелкой, паяльной трубкой и пузырьком с азотной кислотой, человек этот был на высоте своей профессии. По внешнему виду, излому, твердости, плавкости, звуку, запаху или вкусу он определял безошибочно любой минерал и указывал его место в классификации среди шестисот их видов, известных в науке наших дней.

Поэтому имя Лиденброка пользовалось заслуженной известностью в гимназиях и ученых обществах. Хемфри Дэви, Гумбольдт, Франклин и Сабин, будучи проездом в Гамбурге, не упускали случая сделать ему визит. Беккерель, Эбельмен, Брюстер, Дюма, Мильн-Эдвардс, Сент-Клер-Девиль охотно советовались с ним по животрепещущим вопросам химии. Эта наука была обязана ему значительными открытиями, и в 1853 году вышла в свет в Лейпциге книга профессора Отто Лиденброка под заглавием: «Высшая кристаллография» — объемистый труд *in-folio*¹ с рисунками; книга, однако ж, не окупала расходов по ее изданию.

Кроме того, мой дядюшка был хранителем минералогического музея русского посланника Струве, ценной коллекции, пользовавшейся европейской известностью.

Таков был человек, звавший меня столь нетерпеливо. Теперь представьте себе его наружность: мужчина лет пятидесяти, высокого роста, худощавый, но обладавший железным

¹ Формат издания в $1/2$ бумажного листа.

здоровьем, по-юношески белокурый, выглядевший лет на десять моложе своего возраста. Его большие глаза так и бегали за стеклами внушительных очков; его длинный и тонкий нос походил на отточенный клинок; злые языки утверждали, что он намагничен и притягивает железные опилки... Сущая клевета! Он притягивал только табак, но, правду сказать, в большом количестве.

А если прибавить, что дядюшкин шаг, говоря с математической точностью, длиною равнялся полтуазу¹, и заметить, что на ходу он крепко сжимал кулаки — явный признак вспыльчивого нрава, — то этих сведений будет достаточно для того, чтобы пропала всякая охота искать его общества.

Он жил на Королевской улице в собственном домике, построенном наполовину из дерева, наполовину из кирпича, с зубчатым фронтоном; дом стоял у излучины одного из каналов, которые пересекают самую старинную часть Гамбурга, счастливо пощаженную пожаром 1842 года.

Старый дом чуть накренился и, что таить, выпячивал брюхо напоказ прохожим. Крыша на нем сидела криво, как шапочка на голове студента, состоящего членом Тугендбунда; отвесное положение его стен оставляло желать лучшего, но в общем дом держался стойко благодаря древнему вязу, подпиравшему его фасад и весной касавшемуся своими цветущими ветвями его окон.

Для немецкого профессора дядюшка был сравнительно богат. Дом, со всем содержащимся в нем и содержимым, был его полной собственностью. К содержимому следует отнести его крестницу Гретхен, семнадцатилетнюю девушку из Фирланде², служанку Марту и меня. В качестве племянника и сироты я стал главным помощником профессора в его научных опытах.

Признаюсь, я находил удовольствие в занятиях геологическими науками; в моих жилах текла кровь минералога, и я никогда не скушал в обществе моих драгоценных камней.

¹ Туаз равен 1,949 м.

² Местность близ Гамбурга.

Впрочем, можно было счастливо жить в этом домике на Королевской улице, несмотря на вспыльчивый нрав его владельца, потому что последний, хотя и обращался со мною несколько грубо, все же любил меня. Но этот человек не умел ждать и торопился обогнать даже природу.

В апреле месяце дядюшка обычно сажал в фаянсовые горшки в своей гостиной отростки резеды и вьюнков, и затем каждое утро регулярно, не давая им покоя, он тербил их листочки, чтобы ускорить рост цветка.

Имея дело с таким оригиналом, ничего другого не оставалось, как повиноваться. Поэтому я поспешил в его кабинет.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Кабинет был настоящим музеем. Здесь находились все образцы минерального царства, снабженные этикетками и разложенные в полном порядке по трем крупным разделам минералов: горючих, металлических и камневидных.

Как хорошо были знакомы мне эти бездельушки минералогии! Как часто я, вместо того чтобы бездельничать с товарищами, находил удовольствие в том, что сметал пыль с этих графитов, антрацитов, лигнитов, каменных углей и торфов! А битумы, асфальт, органические соли — как тщательно их нужно было охранять от малейшей пылинки! А металлы, начиная с железа и кончая золотом, относительная ценность которых исчезала перед абсолютным равенством научных образцов! А все эти камни, которых достаточно было бы для того, чтобы заново построить целый дом на Королевской улице, и даже с прекрасной комнатой вдобавок, в которой я мог бы так хорошо устроиться!

Однако, когда я вошел в кабинет, я думал не об этих чудесах. Моя мысль была всецело поглощена дядюшкой. Он сидел в своем поместительном, обитом утрехтским бархатом кресле и держал в руках книгу, которую рассматривал в глубочайшем изумлении.

— Какая книга, какая книга! — восклицал он.

Этот возглас напомнил мне, что профессор Лиденброк время от времени становился библиоманом; но книга имела в его глазах ценность только в том случае, если она являлась такой редкостной, что ее трудно было найти, или по крайней мере представляющей по своему содержанию какую-нибудь научную загадку.

— Ну, — сказал он, — разве ты не видишь? Это бесценное сокровище, я отрыл его утром в лавке еврея Гевелиуса.

— Великолепно! — ответил я с притворным восхищением.

И действительно, к чему столько шуму из-за старой книжонки в кожаном переплете, из-за старинной пожелтевшей книжки с выцветшими буквами?

Между тем профессорские восторженные восклицания не прекращались.

— Посмотрим! Ну разве это не прекрасно? — спрашивал он самого себя и тут же отвечал: — Да это прелесть что такое! А что за переплет! Легко ли книга раскрывается? Ну конечно! Ее можно держать раскрытой на любой странице! Но хорошо ли она выглядит в закрытом виде? Отлично! Обложка книги и листы хорошо сброшюрованы, все на месте, все пригнано одно к другому! А что за корешок? Семь веков существует книга, а ни единого надлома! Вот это переплет! Он мог бы составить гордость Бозериана, Клосса и Пюргольда!

Рассуждая так, дядюшка то открывал, то закрывал старинную книгу.

Я не нашел ничего лучшего, как спросить его, что же это за книга, хотя она и мало меня интересовала.

— А каково же заглавие этой замечательной книги? — спросил я лицемерно.

— Это сочинение, — отвечал дядюшка, воодушевляясь, — носит название «Хеймскрингла», автор его Снорре Турлесон¹, знаменитый исландский писатель двенадцатого века! Это история норвежских конунгов, правивших в Исландии!

— Неужели? — воскликнул я сколько возможно радостнее. — Вероятно, в немецком переводе?

— Фу-ты! — возразил живо профессор. — В переводе!.. Что мне делать с твоим переводом? Кому он нужен, твой перевод? Это оригинальный труд на исландском языке — великолепном, богатом идиомами и в то же время простом наре-

¹ *Снорре Турлесон (искаж. Снорри Стурлусон; 1178–1241)* — исландский скальд, прозаик и ученый, предполагаемый автор свода скандинавских саг «Хеймскрингла» («Круг земной»).

чии, в котором, не нарушая грамматической структуры, уживаются самые причудливые словообразования.

— Как в немецком языке, — прибавил я, подлаживаясь к нему.

— Да, — ответил дядюшка, пожимая плечами, — но с той разницей, что в исландском языке существуют три грамматических рода, как в греческом, и собственные имена склоняются, как в латинском.

— Ах, — воскликнул я, преодолевая свое равнодушие, — какой прекрасный шрифт!

— Шрифт? О каком шрифте ты говоришь, несчастный Аксель? Дело вовсе не в шрифте! Ах, ты, верно, думаешь, что книга напечатана? Нет, глупец, это манускрипт, рунический манускрипт!..

— Рунический?

— Да! Ты, может быть, попросишь объяснить тебе это слово?

— В этом я не нуждаюсь, — ответил я тоном оскорбленного человека.

Но дядюшка продолжал еще усерднее поучать меня, помимо моей воли, вещам, о которых я и знать не хотел.

— Руны, — продолжал он, — это письменные знаки, которые некогда употреблялись в Исландии и, по преданию, были изобретены самим Одином!¹ Но взгляни же, полюбуясь, нечестивец, на эти письмена, созданные фантазией самого Бога!

Вместо того чтобы ответить, я готов был упасть на колени, — ведь такого рода ответ угоден и богам и королям, ибо имеет за собой то преимущество, что никогда и никого не может обидеть. Но тут одно неожиданное происшествие дало нашему разговору другой оборот.

Внезапно из книги выпал полуистлевший пергамент.

Дядюшка накинул на эту безделицу с жадностью вполне понятной. В его глазах ветхий документ, лежавший, быть может, с незапамятных времен в древней книге, должен был, несомненно, иметь очень большую ценность.

¹ *Один* — в скандинавской мифологии высший из богов.

И он бережно развернул на столе клочок пергамента в пять дюймов длиной, в три — шириной, на котором были начертаны поперечными строчками какие-то знаки, достойные чернокнижия.

Вот точный снимок с рукописи. Мне крайне необходимо привести эти загадочные письма по той причине, что они побудили профессора Лиденброка и его племянника предпринять самое удивительное путешествие XIX века.

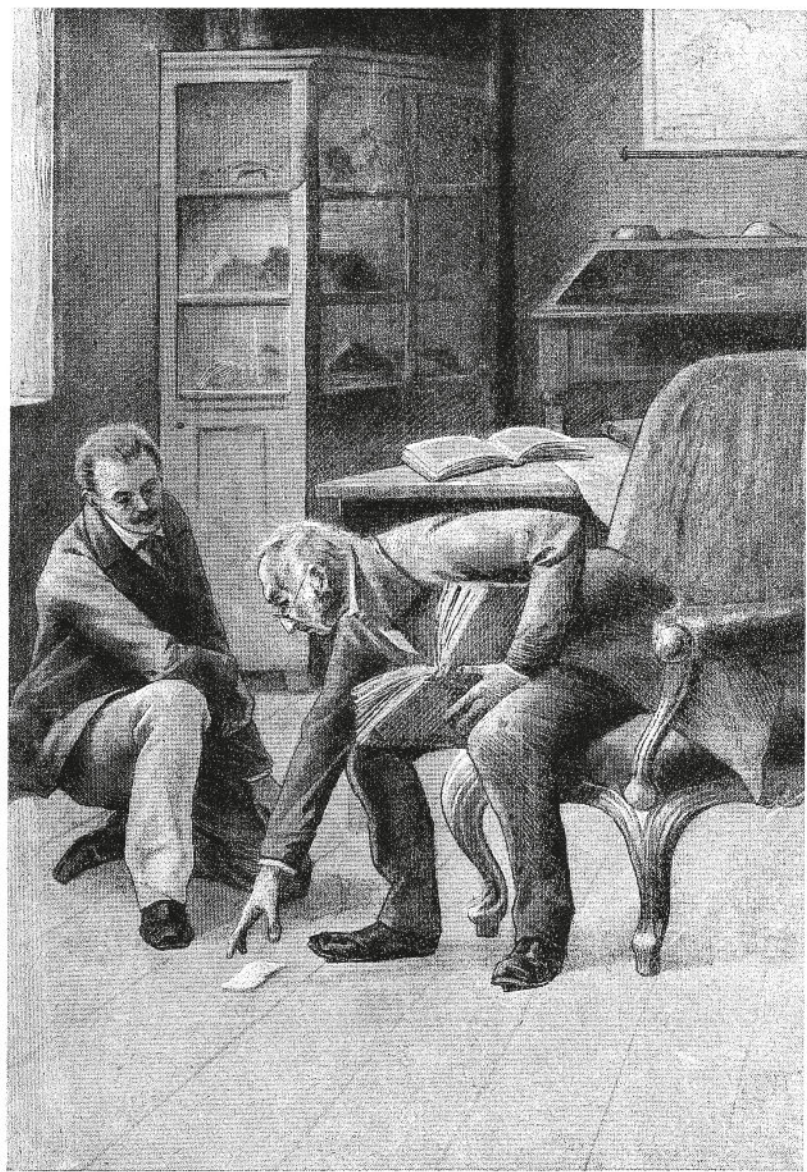
— Это рунические письмена; знаки эти совершенно похожи на знаки манускрипта Снорре. Но... что же они означают?

Так как мне казалось, что рунические письма лишь выдумка ученых для одурачивания простого люда, то меня отнюдь не огорчило, что дядя ничего не мог понять. По крайней мере, я заключил это по нервным движениям его пальцев.

— Ведь это все же древнеисландский язык, — бормотал он себе под нос.

И профессор Лиденброк должен был, конечно, знать, какой это язык, ведь недаром он слыл замечательным языковедом. Он не только прекрасно понимал две тысячи языков и четыре тысячи диалектов, которые известны на земном шаре, но и говорил на доброй части из них.

Встретив непредвиденное затруднение, он собирался было впасть в гнев, и я уже ожидал бурную сцену, но в это время на каминных часах пробило два.

Тотчас же приотворилась дверь в кабинет, и Марта доложила:

— Суп подан.

— К черту суп, — закричал дядюшка, — и того, кто его варит, и того, кто будет его есть!

Марта убежала. Я поспешил за нею и оказался, сам не зная как, на своем обычном месте за столом.

Я подождал некоторое время. Профессор не появлялся. В первый раз, насколько я помню, его не было к обеду. А какой превосходный обед! Суп с петрушкой, омлет с ветчиной под щавелевым соусом; на жаркое телятина с соусом из слив, а на десерт — оладьи с сахаром, и ко всему этому еще прекрасное мозельское вино.

И все это дядюшка прозевал из-за какой-то старой бумажонки. Право, как преданный племянник, я почел себя обязанным пообедать и за него, и за себя, что и исполнил добросовестно.

— Невиданное дело! — сказала Марта. — Господина Лиденброка нет за столом!

— Невероятный случай!

— Это плохой признак, — продолжала старая служанка, покачивая головой.

По-моему, отсутствие дядюшки за столом не предвещало ровно ничего, кроме ужасной сцены, когда обнаружится, что его обед съеден.

Я с жадностью доедал последнюю оладышку, как вдруг громкий голос оторвал меня от стола.

Одним прыжком я был в кабинете дяди.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— Ясно, что это рунические письмена, — сказал профессор, морща лоб. — Но я открою тайну, которая в них скрыта, иначе...

Резким жестом он довершил свою мысль.

— Садись сюда, — продолжал он, указывая на стол, — и пиши.

В мгновение ока я был готов.

— А теперь я буду диктовать тебе каждую букву нашего алфавита, соответствующую одному из этих исландских знаков. Посмотрим, что из этого выйдет. Но, ради всего святого, остерегись ошибок!

Он начал диктовать. Я прилагал все свои старания, чтобы не ошибиться. Он называл одну букву за другой, и таким образом последовательно составлялась таблица непостижимых слов:

<i>mm. rnlls</i>	<i>esreuel</i>	<i>seecJde</i>
<i>sgtssmf</i>	<i>unteief</i>	<i>niedrke</i>
<i>kt, samn</i>	<i>atrateS</i>	<i>Saodrrn</i>
<i>emtnael</i>	<i>nuaect</i>	<i>rrilSa</i>
<i>Atvaar</i>	<i>.nscrc</i>	<i>ieaabs</i>
<i>ccdrmi</i>	<i>eeutul</i>	<i>frantu</i>
<i>dt, iac</i>	<i>oseibo</i>	<i>Kediil</i>

Когда работа была окончена, дядюшка живо выхватил у меня из рук листок, на котором я писал буквы, и долго и внимательно их изучал.

— Что же это значит? — повторял он машинально.

Откровенно говоря, я не мог бы ответить ему на его вопрос. Впрочем, он и не спрашивал меня, а продолжал говорить сам с собой.

— Это то, что мы называем шифром, — рассуждал он вслух. — Смысл написанного умышленно скрыт за буквами, расставленными в беспорядке, но, однако, если бы их расположить в надлежащей последовательности, то они образовали бы понятную фразу. Как я мыслю, в ней, быть может, скрывается объяснение какого-нибудь великого открытия или указание на него!

Я со своей стороны думал, что тут ровно ничего не скрыто, но остерегся высказать свое мнение.

Профессор между тем взял книгу и пергамент и начал их сравнивать.

— Записи эти сделаны не одной и той же рукой, — сказал он, — зашифрованная записка более позднего происхождения, чем книга, и неопровержимое доказательство тому мне сразу же бросилось в глаза. В самом деле, в тайнописи первая буква — двойное *M*, — не встречается в книге Турлесона, ибо она была введена в исландский алфавит только в четырнадцатом веке. Следовательно, между манускриптом и документом лежат по крайней мере два столетия.

Рассуждение это показалось мне довольно логичным.

— Это наводит меня на мысль, — продолжал дядюшка, — что таинственная запись сделана одним из обладателей книги. Но кто же, черт возьми, был этот обладатель? Не оставил ли он своего имени на какой-нибудь странице рукописи?

Дядюшка поднял повыше очки, взял сильную лупу и тщательно просмотрел первые страницы книги. На обороте второй страницы он открыл что-то вроде пятна, похожего на чернильную кляксу; но, взглядевшись попристальнее, можно было различить несколько наполовину стертых знаков. Дядя понял, что именно на это место надо обратить наибольшее внимание; он принялся чрезвычайно старательно рассматривать его и разглядел наконец с помощью своей лупы следующие рунические письмена, которые смог прочесть без затруднения:

1AKK 41KKK444Ж

— Арне Сакнуссем! — воскликнул он торжествующе. — Но ведь это имя, и к тому же еще исландское, имя ученого шестнадцатого столетия, знаменитого алхимика!

Верн Ж.

В 35 Путешествие к центру Земли ; Вокруг света в восемьдесят дней : романы / Жюль Верн ; пер. с фр. Н. Егорова, Н. Габинского. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 544 с. : ил. — (Мир приключений. Большие книги).

ISBN 978-5-389-31582-2

В настоящее издание включены два романа классика мировой фантастико-приключенческой литературы Жюль Верна. В «Путешествии к центру Земли» (1864) немецкий ученый Отто Лиденброк, профессор минералогии из Гамбурга, находит в старинной исландской книге рукопись с руническими письменами, расшифровав которые он и его племянник Аксель становятся обладателями невероятной тайны. По сообщению автора манускрипта, алхимика XVI века Арне Сакнуссема, земной шар внутри является полым и в центре его находится таинственный, неведомый людям мир, куда можно проникнуть через кратер потухшего исландского вулкана Снайфедльс. Лиденброк и Аксель отправляются в земные недра, не подозревая, какие невероятные находки, удивительные встречи и смертельно опасные испытания их там ожидают...

«Вокруг света в восемьдесят дней» (1872) — знакомая нам с детства по многочисленным (порой весьма вольным) экранизациям история 80-дневного путешествия через различные страны и континенты, которое предпринимают вследствие одного необычного пари эксцентричный лондонский джентльмен Филеас Фогт, его слуга-француз Жан Паспарту и преследующий их сыщик Фикс...

Романы проиллюстрированы замечательным чешским художником Венцеславом Черны (1865–1936) и русским мастером книжной графики Петром Луганским (1911–1993).

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ЖЮЛЬ ВЕРН
ПУТЕШЕСТВИЕ К ЦЕНТРУ ЗЕМЛИ
•
ВОКРУГ СВЕТА
В ВОСЕМЬДЕСЯТ ДНЕЙ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Мария Антипова
Подготовка иллюстраций Валерия Макарова, Дмитрия Кабакова
Корректор Лариса Ершова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 22.12.2025.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 33,32. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-MPB-40842-01-R